

В.И. Лавренов, Тверь
ВСАДНИК-ЗМЕЕБОРЕЦ
В РУССКОЙ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
XIV-XV ВЕКОВ

Время возникновения русских гербов относят к XVII в. и с эпохи Петра Великого начинают отсчет истории русской геральдики как части общеевропейской традиции.¹ Иная точка зрения, удревлявшая время рождения отечественных гербов, изложенная в ряде работ, считалась не совсем научной и доказательной.² Подобное отношение к концепции древнего происхождения русских гербов, во-первых, проистекало от того, что историки по-разному понимают сам термин "геральдика". Одни усматривают в нем наименование дисциплины, занимающейся изучением гербов как исторических источников, причем под гербом подразумевалось его определение, данное в отечественной литературе В. К. Лукомским.³ Другие считают геральдику дисциплиной более широкого профиля, относя к предмету ее изучения всю совокупность информативных знаков на различных памятниках с точки зрения их социальной функции.⁴ Подобный подход позволяет существенно расширить источниковую базу традиционной дисциплины и отыскать корни многих отечественных гербов в более древнем – "догеральдическом времени". Во-вторых, на наш взгляд, страдает недостатками сама концепция русской геральдики, особенно ее периода до XVII в. Подходить к отечественным знакам и эмблемам с европейской геральдической меркой нельзя, ибо разные культурно-исторические традиции обусловили разное понимание не только роли геральдических символов, но и сферы их применения.

Довольно близкие параллели с европейской геральдикой прослеживаются на примере знаков Рюриковичей. Многообразие форм, родовая принадлежность знаков, широкий диапазон их использования, позволяют говорить о "геральдике Киевской Руси"⁵ со следующей схемой трансформации знаков: (личный знак)–(родовой знак)–(территориально-родовой знак)–(территориально-государственный знак). Геральдика удельного периода практически не изучена, за исключением владимиристо-суздальской эмблематики с ее многообразием "звериных" сюжетов.⁶ Но этот символический арсенал, известный, главным образом, по памятникам декоративно-прикладного искусства и рельефам храмов, рассматривается лишь как возможно геральдический.⁷ Связь этих знаков с формированием национально-государственной идеологии Северо-Восточной Руси в отечественной литературе не прослежена. Далее следует вообще темный период отечественной геральдики XIV–XV вв., не отмеченный яркими гераль-

дическими источниками. Русские эмблемы слишком поздно стали изображаться на щитах по европейским правилам. Но в самой Европе отечественные знаки воспринимались гербами. Ряд подобных рисунков, известных по "Хронике Константинопольского Собора Ульриха Рихенталя 1483 г.", позволил Ю. К. Бегунову усомниться в том, что отечественные гербы появились лишь в XVII в.⁸

Для нас весьма интересен вопрос о тверской геральдике XIV–XV вв. в контексте истории русской геральдики вообще. Наиболее заметные знаки этого периода – изображения всадника-змееборца и двуглавого орла, вошедших позднее в государственную геральдику Российской державы. Рассмотрим подробнее первый сюжет, ибо он стал главной эмблемой централизованного государства. Всадник, поражающий змея был помещен на лицевой стороне общегосударственной печати Ивана III 1497 г.⁹ Нельзя сказать, что этот сюжет был обойден вниманием историков. Его рассматривали и с точки зрения государственного знака,¹⁰ и с позиций иконографического образа.¹¹ Одни видели в нем светскую эмблему, связанную с личностью государя, другие усматривали Святого Георгия.

Символика русской государственной эмблемы, предусматривает учет ряда моментов: иконографию сюжетов монет и печатей и иконографию сюжета всадника-змееборца вообще. Нужно различать изображения всадника (с копьем, мечом, соколом) и всадника, поражающего змея. Наконец, важное значение имеет наличие нимба в том или ином случае.

Все рисунки всадника (в разных вариантах), имеющего нимб, указывают на Святого воина. Так, на печати Александра Невского изображен Св. Александр на коне с мечом.¹² Кого же изображает ездец на памятниках русской сфрагистики и нумизматики XIV–XV вв? На этот счет существует несколько мнений, ибо отечественные источники данного периода не разъясняют его. Вооруженный всадник (и вооруженный воин вообще) считается символическим портретом самого князя.¹³ Н. П. Лихачев, имея в виду рисунок сокольника, писал: "можно думать, что в данном случае примешивается символизация власти, знатности."¹⁴ По мнению В. Л. Янина, факты изображения всадника без нимбов говорят о стремлении заменить чисто духовные сюжеты иными, не лишенными символики светской власти.¹⁵ Подобные утверждения о "княжеской" семантике знаков соотносятся с древней традицией культа героя, занимающего значительное место в мифологии многих народов и применимы к изображениям всадников (с мечом, птицей, копьем и т. д.).

Традиционно считается, что первое изображение всадника было помещено на печати московского князя Василия Дмитриевича и было продолжено печатями его сына.¹⁶ Но ездец (с некоторыми различиями)

известен по княжеским печатям еще XIII – начала XIV вв. Святой всадник с копьем был эмблемой загородского конца Новгорода в 1372 г.¹⁷ Аналогичные сюжеты известны по печатям тверских князей Бориса Александровича и Михаила Борисовича, памятникам прикладного искусства Твери и Новгорода. Поэтому вызывает сомнение утверждение, что сюжет всадника (вообще) является наследственной московской эмблемой.¹⁸ Подобные сомнения возникают и при изучении изображений на русских монетах XIV–XV вв.

Всадник-змеборец по нумизматическим данным известен опять-таки со времен князя Василия Дмитриевича.¹⁹ Печать того же сюжета появилась в Москве только при Иване III. Тверской князь Михаил Борисович подобный рисунок использовал гораздо раньше. На его печати 1462 г. изображен всадник в броне, епанча развевается по воздуху сзади, голова в шлеме, меч поднят кверху, под ногами изгибается дракон.²⁰ Изображение всадника, поражающего змея, отчасти можно считать результатом перевоплощения образа героя-всадника.²¹ А. А. Ураносов объяснял, что светский всадник – это символическое изображение русского воина, защищающего родную землю от врагов, образное воплощение которых заключено в рисунке змея.²² Большинство же историков продолжает считать всадника-змеборца (как и всадника вообще) изображением государя, опираясь на более поздние источники, ибо со времен Ивана Грозного всадник-змеборец на монетах стал называться "князем великим на коне."²³ Подтверждением этого служит и доказанная И. Г. Спасским персонализация образа всадника, связанная с личностью Ивана IV.²⁴ В XVII в. "царская" семантика ездоца-змеборца окончательно закрепились, чему свидетельствуют отечественные и зарубежные источники.²⁵ При преемниках царя Алексея Михайловича персонализация существовала уже официально и достигла явных портретных черт. Известен ряд изображений ездоцев-царей на русских знаменах рубежа XVIII в.²⁶ Г. В. Вилинбахов считает, что в полном соответствии с "царской" семантикой ездоца следует рассматривать и появившиеся в конце XVII в. памятники с "чистыми" портретами царей на груди двуглавого орла.²⁷ Все перечисленные примеры можно рассматривать в связи с процессом не просто персонализации образа ездоца-змеборца, но и утверждением культа конкретного государя в течение XVI–XVII вв. С петровского времени привычная трактовка меняется, и всадник-змеборец получает наименование Святого Георгия.²⁸

На наш взгляд, существовало различие в понимании изображений просто всадника и всадника-змеборца. Но оно характерно только до XVI в., ибо позднее первый сюжет вытесняется вторым, или они сливаются воедино. Использование всадника-змеборца в русской сфрагистике и нумизматике XIV–XV вв. стоит в контексте борьбы

известных общерусских центров Москвы и Твери за главенство в объединительном процессе. "Козырной картой" в этой борьбе была идея преемственности власти через владимирских от киевских князей. Эта теория формировалась практически одновременно и в Твери и в Москве. Причем, тверская линия не без оснований подчеркивала свое "старшинство" и законность "самодержавства". Так, автор записанной под 1399 г. в Тверской летописи "Похвалы" князю Михаилу Александровичу заявляет: "от Киева же начну даже и до сего богохранимого Тферского града", ведя род Михаила, отец которого "также самодержец бе", от "великого Владимира", от него же тверские князья и "владыху землею русскою".²⁹ Культ Св. Георгия – покровителя киевских и владимирских князей в XIV–XV вв. получил повсеместное распространение. К этому периоду сложился и тип змеборца, хорошо известного по памятникам отечественной культуры. Ряд изобразительных деталей (римская одежда, молодой "безбородый" возраст, вооружение и т. д.), говорят об иконографическом родстве сфрагистического и живописного рисунка. Не случайно и хронологическое совпадение периода формирования династической легенды и времени появления всадника-змеборца на печатях и монетах Москвы и Твери. В полном соответствии с приведенным выше летописным текстом находится и печать тверского князя Михаила Александровича с изображением льва – главной эмблемой Владимиро-Суздальской Руси.³⁰ Аналогичное изображение именно в этот период появляется и в московской политической эмблематике.³¹ Образ льва тесно связан со Св. Георгием, на что указывают материалы русской и грузинской геральдики.³²

Патрональное значение Св. Георгия несомненно повлияло на выбор государственной эмблемы. Но следует учитывать еще один канал воздействия, который вкупе с княжеским характером святого составил его необыкновенную популярность в народе. Мотивы устного творчества, былинные сюжеты о богатырях, защитниках русской земли, оказали самое непосредственное влияние на литературный и иконографический облик Св. Георгия. Георгий-змеборец сделался очень важной фигурой христианской легенды и заменил собой целый ряд важнейших персонажей дохристианской мифологии, в том числе индрика-единорога, определенное сходство с которым уже отмечалось исследователями.³³ Много позднее это сходство вылилось в конкретный геральдический факт: равнозначность семантики Св. Георгия и единорога на печатях Ивана Грозного.³⁴

Тверская геральдика XIV–XV вв. чутко реагировала на процесс формирования идеи "единовластия" в борьбе за "старшинство" на Руси. Малое количество сохранившихся тверских печатей не позволяют детально восстановить все фазы этой политической задачи. Но в

выборе эмблематических сюжетов тверичи нередко опережали москвичей. Так было и со Св. Георгием из двуглавым орлом. В 1485 г. Тверь пала. "Москва, отнявшая у Твери политическую самостоятельность, уничтожила и те слабые ростки духовной жизни, которые при благоприятных условиях отразили бы здоровый рост и естественное развитие оригинальной письменности, складывающейся на берегах реки Тьмаки".³⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. — М., 1963, — С. 152—154.
2. См. об этом: Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. — М., 1981. — С. 10—11.
3. Лукомский В. К. Герб как исторический источник // КСИИМК (Краткие сообщения института истории материальной культуры). — 1947. — Вып. 53. — С. 49.
4. Вилинбахов Г. В. Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина (К вопросу о предмете исследования и структуре) // Геральдика: Материалы и исследования. — Л., 1983. — С. 7; Лавренов В. И. Проблема использования геральдических источников в советской исторической литературе // Источниковедческая культура студента-историка. — Тверь, 1990. — С. 143—144.
5. Свердлов М. Б. Геральдика // Советское источниковедение Киевской Руси. — Л., 1979.
6. Вагнер Г. К. К вопросу о владими́ро-суздальской эмблематике // Историко-археологический сборник. — М., 1962. — С. 254—264.
7. Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV веков. — М., 1980. — С. 202—212; Он же. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. — М., 1966. — С. 38—40, и др.
8. Бегунов Ю. К. Древний герб Болгарии и "Хроника Констанцского Собора" Ульриха Рихенталя // Советское славяноведение. — 1974. — № 2. — С. 59—63; Он же. Phantastische russische familien — wappen in der deutschen "Chronik des constanzer consils" aus dem ersten viertel des 15. jahrhundets // Sonderdruck aus Forschungen zur osteuropaischen Geschichte, — Berlin, 1982. — Band 30. — 1. 54—58; Richental U. Konzil zu Kinstanz. — Augsburg, 1483. — л. 102 об; л. 109 об; л. 109; л. 111 об; л. 175; л. 176 (находится в отделе редкой книги ГПБ в г. Санкт-Петербурге).
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. — М—Л., 1950. — № 85. — С. 341—344. — описание печати. — С. 575.
10. Соболева Н. А. Символы русской государственности // Вопросы истории. — 1979. — № 6. — С. 47—59; Она же. Русские печати. — М., 1991. — С. 195—222; Она же. О методике изучения сфрагистического материала XV—XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. VIII. — Л., 1976. — С. 145—146; Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // ТГЭ. — Т. XXI. — Л., 1981. — С. 117—122.
11. Пуцко В. Г. Византийский медальон с изображением Георгия-воина // Советская археология. — 1969. — № 2. — С. 217—224; Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // ТОДРЛ. — М—Л., 1956. — Т. XII. — С. 292—310, и др.
12. Чернецов А. Кто у истоков герба? Вокруг света. — 1975. — № 2. — С. 77.
13. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV веков. — М., 1970. — Т. 2. — С. 36; Лавренов В. И. Герб Твери: история эмблемы и символа // Политическая агитация. — 1988. — № 17. — С. 24.
14. Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. — Л., 1928. — Кн. 1. — С. 48—50.

15. Янин В. Л. Указ. соч. — С. 23.
16. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч. — С. 108.
17. Буров В. А. Печати при Новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики // Советская археология. — 1977. — № 1. — С. 108.
18. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч. — С. 119.
19. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). — М., 1981. — С. 29. — № 81.
20. Лакиер А. Б. Русская геральдика. — Кн. 1. — СПб., 1855. — С. 145; Сахаров И. Записки о русских гербах. — Ч. 1. Московский герб. — СПб., 1856. — С. 23; Духовные и договорные грамоты... — С. 573; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — Ч. 1. — М., 1813. — С. 215.
21. Бритова Н. Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // КСИИМК. — 1948. — Вып. XXII. — С. 56.
22. Ураносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства (XV—XVII вв.). — Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1953. — С. 10.
23. Воронец Е. Н. Четырехсотлетие российского государственного герба. — Харьков, 1898. — С. 14—15.
24. Спасский И. Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщения Государственного Эрмитажа. — 1976. — Вып. 41. — С. 49.
25. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. — СПб., 1906. — С. 38, 114; Образование московского герба // Русский архив. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 18; Опись московской Оружейной палаты. — М., 1884. — Кн. 1. — С. 45, и др.
26. Вилинбахов Г. В. Указ. соч. — С. 120; Семенович Н. Н. Три русских знамени конца XVII в. // СГЭ. — 1974. — Вып. 39. — С. 21—24.
27. Вилинбахов Г. В. Указ. соч. — С. 120.
28. Белавенец П. И. Изменение Российского государственного герба в императорский период (Историческая справка) // Вестник Императорского общества ревнителей истории. — Вып. 2. — Пг., 1915. — С. 69. — Рис. 8.
29. Тверская летопись. — ПСРЛ. — Т. 15. — М., 1965. — С. 465.
30. Янин В. Л. Указ. соч. — С. 423.
31. Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. — С. 131.
32. Вилинбахов Г. В. К вопросу о традициях в грузинской знаменной символике. — Тбилиси, 1977. — С. 6.
33. См.: Кирпичников А. Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. — СПб., 1879. — С. 182—183 (Указана общность с индрикком в вопросе борьбы со змеем и освобождения скованных вод).
34. См.: Иванов П. Сборник снимков с древних печатей; приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. — М., 1858. — Табл. VI. — Рис. 102, Табл. VII. — Рис. 106.
35. Шахматов А. А. Отзыв об издании Н. П. Лихачева "Икона Фомы слово похвальное". — СПб., 1909. — С. 2.